

Глава №1

Я не была новичком в страхах, связанных с беременностью. Я, конечно, не была новичком в связанном с ними ужасе и долгом, тяжелом спуске от наивысшего экстаза до отчаяния. Я не была тревожным человеком. Паника заставляла меня замолчать, застыть неподвижно. И сейчас я был застывшим, твердым, как бейсбольная бита, внутри киски моей матери, залитой спермой!

Мое сердце колотилось как локомотив, но я никуда не двигался. Ее бедра все еще обхватывали меня, ее руки гладили и похлопывали меня по заду, пока мы смотрели друг на друга в утреннем сумраке.

"Ну, ты получил то, что хотел", - сказала она наконец, переведя дыхание. Ее груди все еще толкались в меня медленными, невероятно спокойными толчками. Господи, ты во мне как камень...

"О чем ты думала?" - только и смог спросить я недоверчиво. Ты понимаешь, что мы натворили?

Ну, - она сделала паузу и облизала губы. По тому, как она смотрела на меня, я не мог поверить, что она, похоже, действительно хорошо осознает и очень хорошо понимает свое решение. 'Если это случится, значит, это случится. И я думаю, что это случилось'.

Она крепко сжала меня своими вагинальными мышцами, всего лишь небольшой спазм, но это было похоже на толчок, легкий толчок, побуждающий меня к действию. И вот я был опустошен, в то время как моя мать, казалось, просто приняла то, что она заставила меня кончить внутри нее. "Ты знаешь, что ты только что сделала", - повторил я.

Она слегка вздохнула, раздвинула губы и едва заметно пошевелила бедрами, чтобы побудить монстра зарыться поглубже. И затем: "Мы разберемся с этим позже, я думаю, но если я беременна, то мы могли бы извлечь из этого максимум пользы, учитывая, что это явно возбуждает тебя".

Я задохнулась.

'Но ведь возбуждает, не так ли', - искушала кроличья нора. Осознание того, что мы только что сделали, опасность и абсолютная неправильность всего этого заводит тебя. Я всегда знала, что в тебе это есть".

Мама, - начала я, но была прервана.

"Ты можешь убедиться, что мы уверены", - рассудила она. Извергни свою горячую, липкую сперму в чрево матери еще раз. Пусть это будет еще более стоящим".

И она продолжала двигать и раскачивать бедрами подо мной. Я чувствовал, как ее горячая, скользкая оболочка скользит вверх и вниз по моему стволу. Я не мог лгать. Несмотря на то, что это был отличный трах в голову, и я был в ужасе, я был также самым возбужденным за всю свою жизнь, несмотря ни на что.

'Насколько, блядь, ты сейчас возбужден?' спросил я. Я встретил ее на полпути, осторожно погружаясь обратно в нее, смазанный в основном моей собственной липкой горячей массой. Ты не выглядишь ни капельки обеспокоенной.

'Мой собственный сын только что назвал меня своей собственностью и наполнил мой живот своим семенем', - хрипло заявила она. Я сейчас перейду ту грань, о которой даже не подозревала". И напряжение в ее глазах, когда она это сказала, было правдивее, чем все остальное до сих пор. Это оставило меня без сил и дыхания, я напрягся сильнее, прижимаясь к ее шейке матки.

Поцелуй, который мы тогда разделили, был страстным и отдавался в природе, которую я не до конца понимал; полный вины и в то же время бесстыдный; такой грязно-эротичный и в то же время не лишенный семейного инстинкта. Мне казалось, что это был поцелуй, которым Бонни и Клайд в последний раз обменялись перед тем, как попасть под град пуль.

Наши губы слиплись сухо и отчаянно в тот момент. Наши горячие, несвежие языки скреблись и вихрились друг о друга, последний брачный ритуал проклятых, когда мы снова начали синхронизироваться. Чудовище, которым, как я теперь знал, я был, взяло верх, и я ударил по дому, как ракета, нацеленная на тепло, скользящая к цели с ужасающей точностью.

Моя мать отражала это во мне, насаживаясь на меня с каждым влажным, хлюпающим погружением в залитые водой недра своей грешной плоти. Мы по-прежнему были матерью и сыном, но теперь мы были еще и пышущей жаром массой восхитительного разложения, оргазмически совокупающейся под звуки резкого слитного дыхания и влажного шлепанья кожи о кожу.

"Я буду трахать тебя, пока твое лоно не взорвется", - прорычал я.

Да, да", - шипел змей, соблаздивший перворожденных мужчину и женщину, брата и сестру, не меньше.

"И ты родишь мне дочь через девять месяцев", - импровизировал я, теряя рассудок от мерзости, которая должна была извергнуться из него. И через два десятилетия ее любящая, согласная, голодная взрослая киска будет скакать вверх и вниз по всей длине того самого предмета, который сейчас трахает тебя до конца, истекая спермой и струей по моим яйцам, как это делала ее мать/бабушка!

'Ради любви к баскетбольным сандалиям Иисуса, святой, блядь, Христос', - задыхнулась Сара, ее глаза внезапно расширились и испугались. Ты что, серьезно, блядь?

Я не знаю, откуда это взялось, как и безумная сила, которая пришла вместе с этим. Закинув ее ноги на свои предплечья, я наклонился и подхватил ее, перекатившись обратно на колени. Прижав маму к себе, ее гладкое, потное тело скользило вверх-вниз по моему, я возил ее вверх-вниз на своем вздыбленном члене и наблюдал, как ее глаза закатываются обратно в свои глазницы.

Толстые, резиновые соски ее полных, блестящих грудей терлись о мою грудь, заставляя каким-то образом вставлять дыбом каждый волосок на моем теле, который не был матовым от каждой горячей струйки пота. Боже, моя собственная мать, такая идеальная маленькая игрушка для траха. Я взорвал ее спермой там и тогда, плача от усилий, которые потребовались, чтобы не упасть. Мне совершенно необходимо было трахать ее так долго, как только я мог оставаться твердым внутри нее, но я выдыхался.

Я рычал, рычал, шипел и выл, как дикарь. Каким-то образом она поняла. Как бы ей ни нравилось, что ее трахают таким образом, что она беспомощно и безнадежно возится, пока я проникаю в нее глубже, Сара навалилась на меня всем своим весом, уперлась ногами в матрас и с неожиданной и шокирующей силой и ловкостью опрокинула меня на спину.

"Еще", - простонал я, мой член покраснел и напрягся. Из меня все еще сочилась сперма. Я был липким и горячим, и когда она опустилась на колени, чтобы отсосать мне, я скривился от крайней чувствительности, которую я испытывал к этому моменту. Я почти застонал: "Ты меня убиваешь!".

Нет, - пропел спокойный материнский голос. Успокойся, детка", - успокаивала она. И когда монстр начал отступать обратно в муть моего сознания, я лежала в ее объятиях, пока она так нежно и элегантно скакала на мне до конца пути. Это было блаженство, все в ее объятиях, ее груди мягко прижимались друг к другу. Уставшая, хорошо оттраханная, светлокожая блондинка на мне успокаивала и обнимала меня, уговаривая и доя меня до моей содрогающейся последней смерти.

Я не знаю, что между нами произошло", - неуверенно сказала она, целуя пот с моих век. Каждый вздох, который мы делали вместе, был как последнее продолжение нашего примитивного кровосмесительного акта. "Но, может быть, сейчас самое время сказать тебе, что мне перевязали трубы".

Я была слишком измучена, чтобы ответить. Но хорошо, и спасибо небесам - или кому-то еще - за женщину, с которой они меня оставили. Я дышала, и дышала, и дышала...

"Ты злая корова", - пробормотал я. Мне удалось коротко рассмеяться, а потом еще немного. 'Ты напугала меня до смерти'.

"А что это было с вашей будущей дочерью?" - намекнула она, указывая на то, что она не менее невинна.

'Я выдумал это на ходу', - мрачно предложил я. 'Простите?'

Я же не сказала остановиться, правда? Сара поцеловала мой взмокший лоб, щеку, а затем приступила к нежным и медленным поцелуям. Боже мой, кем мы были? 'И мы точно не останавливались...'

Так ты не беременна?" - спросил я, заглядывая в ее глаза сквозь пелену усталости. Она покачала головой.

'Я хотела сделать тебе сюрприз', - озорно улыбнулась она. И я сделала это специально для нас с тобой".

'Ну...'

Удивлена?" - спросила мама.

Я сжала свои сухие губы и сделала глубокий вдох. Как раз в этот момент мой измученный, бедный член, наконец, выскочил из ее сочащегося, горящего любовного канала и замертво упал на мое внутреннее бедро.

'Можно и так сказать!'